

Спіс выкарастаных крыніц

1. Пастанова Старшыні Савета Міністраў БССР Ц. Я. Кісялёва «Аб правядзенні Рэспубліканскага з'езда настаўнікаў» у 1960 г. // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 1–2.
2. План мерапрыемстваў Міністэрства асветы БССР па правядзенні Рэспубліканскага з'езда настаўнікаў у 1960 г. // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 11–12.
3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – Москва: Педагогика, 1974. – 560 с.
4. Доклад Старшыні мандатнай камісіі // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 86–89.
5. Праграма працы з'езда // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 36.
6. З'езду настаўнікаў БССР. Прывітальнае слова Цэнтральнага Камітэта Кампартыі Беларусі, Савета Міністраў БССР// Народная асвета. – 1960. – № 7. – С. 1–2.
7. *Ільюшын, І. М.* Насустрач з'езду настаўнікаў / І. М. Ільюшын // Народная асвета. – 1960. – № 7. – С. 3–7.
8. З'езд настаўнікаў БССР (дзёння з'езда) // Настаўніцкая газета. – 13 жніўня. – № 68. – С. 1.

(Дата падачы: 27.02.2025 г.)

Е. П. Наріжская

Республиканский институт высшей школы

H. P. Narizhnaya

National Institute for Higher Education

УДК 712.3(476):551.5"17"

РЕЦЕПЦИЯ САДОВЫХ СТИЛЕЙ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

RECEPTION OF GARDEN STYLES AND CLIMATE CHANGE BASED ON LOCAL CHRONICLES FROM THE 17TH TO FIRST HALF OF THE 18TH CENT.

В статье рассматривается значимость изучения предпосылок развития садово-парковых стилей ренессанса и барокко в XVI–XVIII вв. на белорусских землях с акцентом на влияние погодных условий на формирование ландшафтного искусства. Сделана попытка реконструкции изменчивого климата XVII в. по материалам местных летописей и хроник (Баркулабовская, Могилевская, Витебская), донесших яркие описания сезонных

изменений и катаклизмов, приводивших то к большим урожаям, то к голодным годам на фоне частых войн.

Ключевые слова: садово-парковая культура; климат; летописи; хроники; сельское хозяйство; имения; культура Беларуси конца XVI–XVII вв.

The article considers the importance of studying the prerequisites for the development of Renaissance and Baroque landscape styles in the XVI–XVIII centuries in the Belarusian lands with an emphasis on the influence of weather conditions on the formation of landscape design. An attempt has been made to reconstruct the changeable climate of the XVII century based on the materials of local annals and chronicles (Barkulabovskaya, Mogilevskaya, Vitebskaya) containing vivid descriptions of seasonal changes and cataclysms that led either to large harvests or to famine years amid frequent wars.

Keywords: landscape gardening art; climate; local annals; local chronicles; agriculture; manors; the Belarus culture in the late 16th – 17th centuries.

Период с XVI по XVIII в. отечественной истории характеризуется активным развитием культуры и искусства, что также нашло отражение в создании первых садов и парков. Они служили не только эстетическим, но и вполне функциональным целям. Однако данная тема по-прежнему находится в большей степени в поле изысканий архитекторов [1–4], биологов [5–11], нежели исследований историков Беларуси, равно как и изучение истории климата в восточнославянском регионе является сегодня неактуализированной проблемой и не выделена в отдельное научное направление.

Период XVII в. характеризовался не только политическими и социальными преобразованиями, религиозными и военными конфликтами, но и непредсказуемыми изменениями в природной среде, что создавало определенные вызовы для садовых мастеров, осваивающих планировку сада как эпохи ренессанса, так и барокко в садово-парковом искусстве. Осмыслить всю сложность их деятельности по поддержанию эстетической привлекательности разбиваемых садов и налаживанием оранжерейного хозяйства в условиях таких неблагоприятных погодных факторов, как заморозки, засуха и сильные дожди позволяют данные местного летописания. Баркулабовская хроника Ф. Филиповича, Могилевская хроника Т. Сурты, Ю. Трубницкого, Витебская летопись С. Аверки тщательно фиксировали происходившие погодные колебания XVII в. [12], ведь климатические факторы урожайности (влага, тепло, свет) оказывали значительное влияние на сельское хозяйство, а значит и на зарождавшееся садовое искусство.

Архивные материалы по обозначенной проблематике являются еще одной группой письменных источников и могут быть охарактеризованы как крайне малочисленные, разнородные. Особую ценность имеют сводные документы всех показателей хозяйств имений, так называемые «суммарии», и книги бухгалтерского учета с подсчитанными приходно-расходными балансами, расчетами за различные работы в садах и парках имений. Интересный материал предоставляют акты ревизий (люстрации), которые производились счетоводами из центральных управлений имениями в крупных

латифундиях. Накопленные знания из таких научных отраслей, как биология, дендрохронология [13–14], климатология, разносторонне дополняют выявленную информацию по историческому взаимодействию климата и общества.

Европейское садово-парковое строительство, по мнению большинства историков культуры и искусствоведов, занимает самостоятельное место среди других видов искусства только с конца XVI в. Совмещение в феодальной усадьбе оборонительной и хозяйственной функций обусловило, с нашей точки зрения, первоначальное обращение к плодovому и только потом – к декоративному садоводству. Декоративные возможности плодovого садоводства обеспечили его широкое распространение и помогли созданию устойчивого представления о гармоничном сочетании красоты и пользы, которое культивировалось в Средневековье, о земном рае Эдеме. Отвечая естественной потребности оседлого населения в окультуривании ландшафта, небольшие сады становятся обычным явлением при усадьбах феодалов, горожан и сельских жителей. Подтверждением тому служат многочисленные инвентари имений, монастырей, подымные реестры городов и местечек Беларуси XVI в. [5, с. 54, 81, 123, 126, 135–136, 192, 298].

Среди лаконичных и однотипных упоминаний о выращивании овощных, плодovых культур, лекарственных растений лишь изредка встречаются в инвентарях описания декоративных садов, напоминающих итальянские эпохи позднего Ренессанса. Сады усадеб Савичи, Дубровно, Радзивиллы-монты, Белыничского монастыря, Гродненского монастыря бригиток, Березинского монастыря картезианцев, исходя из данных этих описаний, отличались геометричностью своего построения, которая достигалась путем разбивки на квадратные либо прямоугольные участки газонов, боскетов, цветников или овощных грядок. Завершением композиции была сеть прямолинейных дорожек и аллей. Возможно, в процессе их устройства был использован средневековый трактат итальянца П. Кресцентина «Книга о хозяйстве», известный в Речи Посполитой по польским изданиям середины XVI в. и довольно популярный, так как все хозяйственные отчеты того времени назывались «кресценций» [8, с. 14–15]. Имеющиеся архивные сведения и материалы научной литературы о рецепции садово-паркового искусства периода итальянского Ренессанса в хозяйственно-художественном облике усадеб и замков на Беларуси крайне фрагментарны и не позволяют представить общую картину его распространения в XVI в. Такого мнения придерживается Ю. А. Якимович, с чем автор считает возможным согласиться [5, с. 16]. Выскажем предположение, что освоение садово-парковых стилей, вероятнее всего, шло на протяжении XVII столетия. Во многом этому содействовали заграничные поездки и путешествия дворянства Речи Посполитой. Местные магнаты и шляхта имели возможность познакомиться с культурной жизнью крупных немецких городов, городов Италии, Фран-

ции, Англии, с достижениями оборонного зодчества и оружейной науки, с выдающимися произведениями искусства прошлого, с пышными резиденциями королевских особ и европейской знати, а также с творчеством известнейших архитекторов и художников своего времени. Ориентация на подчеркнутую репрезентативность, комфортность дворянского жилища некоторых магнатских семей, например, Радзивиллов, наиболее полно отвечала потребностям времени и не могла не отразиться на их художественных устремлениях, особенно в садово-парковом строительстве, стоявшем в центре интересов эпохи барокко. Виды итальянских загородных резиденций, где в парковом ансамбле доминировала вилла или палаццо, пленили князя Николая VIII Кристофа Радзивилла Сиротку и Мирский замок (не ранее 1575 г.) был им переобустроен по новой итальянской моде. Был возведен трехэтажный дворец, фольварк с хозяйственными постройками, заложен зверинец и регулярный парк в итальянский стиль, соединенный со вторым этажом дворца пешеходным мостом. В разбитом с северной стороны замка парке посадки из местных пород сочетались с теплолюбивыми растениями (последних насчитывалось более 400 штук). Приблизительно одновременно (последняя четверть XVI в. – 1604 г.) велось строительство Альбинского загородного комплекса в южном пригороде Несвижа – будущего обширного итальянского сада (парка) с регулярной системой водоемов, аллей, боскетов, с оранжереями для экзотических и редких растений, парниками (чаще фигарнями), огородами; виллы «Эремиторий» для уединения и молитвы; зверинца [15]. Лев Сапега в письме из Слонима от 6 сентября 1605 г. благодарил князя «за подаренные по Милости своей несвижские фрукты, фиго и дыни», в саду росли вишни, яблони и груши, стояло 68 пчелиных ульев [15, с. 8, 11–12].

Кароль Станислав Радзивилл, правнук Радзивилла Сиротки, путешествуя с дипломатической миссией к португальскому двору, в 1684–1687 гг. побывал во Франции, немецких государствах, Англии, Нидерландах, Испании, Португалии и везде особо интересовался искусством пространственного оформления садов и парков. Его путевые заметки сохранили немало восторженных отзывов о прекраснейших видах парков Болоньи в Италии, Сент-Джеймс в Англии, Лилля, Ришелью, Мэзона, Бовэ, Во, Шантильи во Франции. Отдельного описания удостоились парки Фонтенбло и Версаля – их изысканные водные каскады и фонтаны, величественные лестничные марши, живописные пейзажи, менажерии, гроты и оранжереи. Как показывают данные изученных инвентарей, к концу XVII столетия количество усадеб, при которых имелись плодовые сады и небольшие палисады с травами и цветами, значительно возросло, в них получает распространение оранжерейно-парниковое хозяйство. В имении Цехановецких – Бочейково – в 1641 г. появилась первая в Подвинье оранжерея стараниями управляющего князя Эм. Кантакузена. По нашим подсчетам, если вначале XVII в.

усадебно-парковых комплексов было всего 10, то к концу века подобных усадеб насчитывалось уже около 40 [16]. Кроме разведения престижного барочного сада, становится популярным устройство при загородных резиденциях аристократии охотничьих парков-зверинцев, они «располагались в удалении от замка и обычно представляли естественный лесной массив с радиальной системой просек (Альба, Кнышин, Семятичи, Острошицкий городок и др.)» [1, с. 5]. Несмотря на возросшие эстетические запросы традиции утилитарного садоводства были настолько сильны, что даже в садах с декоративными культурами, парках не только XVII, но и XVIII–XIX вв. постоянно высаживались фруктовые деревья и ягодные кустарники.

Большое или маленькое зеленое хозяйство всегда требовало профессионального ухода со стороны садовников. Они занимались подбором и посадкой растений в разводимых садах и парках. Талантливые садовые мастера к тому же умели гармонично сочетать разного рода архитектурные сооружения, водоёмы, скульптуру и живую растительность. Имена большинства садовников, работавших в имениях Беларуси XVII в., неизвестны. Исключением является Альбинский комплекс в пригороде Несвижа. В сводной ведомости прихода и расхода денежных сумм, так называемое «суммариуше» (Summariusz), князей Радзивиллов за 1600 год упоминается садовник Николи (Nikoli). В документах бухгалтерского учета, например, таких как «Ведомости расхода железа со склада» и кассовые книги, содержится информация, что в 1661 г. садовником работал человек по имени Николай, в 1669 г. некий пан Роли. В 1671–1673 гг. альбинским садовником был Ясиньски, а с 1684 по 1686 г. эти функции исполнял Петровски. В расходных счетах Администрации Несвижского княжества среди денежных сумм и материалов, выданных на замковые работы в Несвиже и Альбе, имеются разрозненные сведения за разные годы XVII в. об оплате труда садовников, о производстве и ремонте садового инвентаря, о покупке семян и о садовых работах [17].

Садовые работы обязательно начинались с учетом агрометеорологических условий, среднесрочного метеорологического прогнозирования, календаря религиозных праздников. Тем не менее, такие проявления природно-климатической изменчивости, как «град і перуны вялікія, засуха і маразы ці не весь год», зафиксированные в Баркулабовской хронике под 1585 г., существенно влияли на урожайность зерновых и плодовых культур. «Ад вялікіх маразоў жыта ў полі пасохла... Улетку ж вялікая спёка была. Жыта, ярына, трава, а таксама гародніна – ўсё пагарэла ў Літве, а саблівая каля Менска і Вільні. Жабракі па хлеб на Русь падаліся» [12, с. 223]. Урожай в 1586 г. был хорош, а вот 1587 г. «вельмі неўрадлівы і галодны быў... грэчку не касілі... авёс і ячмень жалі» на первой неделе ноября [12, с. 225]. В 1588 г. быў «голад вялікі, дарагоўля, паморак... 18 студзеня было амаль як увесну... праз тры тыдні – зноў лютая зіма... Улетку дажджу не было, а ўвосень

не было снегу, толькі вятры з дажджамі... на Пакравы вельмі вялікая паводка была, аж па лугах вада пайшла, быццам увесну. Аж да Раства Хрыстовага ў Дняпры вада... з берагоў выходзіла» [12, с. 226].

В 1592 г. 21 июня в воскресенье «была бура вялікая, вельмі жахлівая. Пачаўшыся ў заходніх краях дайшла да Чарнігава, Гомеля... Рэчыцы, Рагачова, Крычава і да многіх іншых мест і замкаў... з градам шмат збожжа папсавала, а ў барах, лясках, лугах бортныя дрэвы з пчоламі... Дарогі ад сяла да сяла цэлай воласцю прачышчалі. Нават і цяпер па лясках, барах ды балотах можна ўбачыць шмат паламаных дрэваў» [12, с. 234]. Учитывая законодательство того времени, гласящее, что если «кто бы чужое дерево бортное з пчолами... корень урубал або пожаром ожег... або... неумысленно поповал то за каждое... будет винен платити по две копе грошей» становится более понятным комментарий автора хроники: «са спачуваннем казалі, што дзесьці у аднаго чалавека северскага сто бортных дрэваў паламала, у другога дзвесце, утрэцяга – трыста, ажно страшна было пра гэта слухаць» [12, с. 234; 18, арт. 13]. Год 1592 в целом был урожайным на рожь и овес, осень теплая стояла до Покрова (14 октября), «лісце не падала, а зелянела, быццам увесну, а на іншых дрэвах так і зімавала» [12, с. 234].

Последний год XVI в. выдался очень урожайный, добрый, здоровый, «погодливый», на все счастливый, не то, что 1600 г., в котором «зіма была лютая і снежная». Можно подчеркнуть провиденциализм мировоззрения автора Баркулабовской летописи, который неоднократно обосновывал происходящие человеческие несчастья, природные катаклизмы Божьим гневом и ниспосланными им испытаниями вследствие неправильных действий церковной иерархии, то вводивших реформу календаря с 1583 г., то подписавших Брестскую унию 1596 г. и пр. К подобным дурным знакам Господней кары он отнес день 17 сентября 1600 г., когда вразрез обычаю (погоде традиционной ранней осени) прошли днем «вялікія грывоты... і маланка бліскала... ўначы быў вецер з марозам» [12, с. 235, 244]. Витебская летопись также подтверждает эти события, подчеркивая, что на следующий год «быў з-за маразоў вялікі голад» [12, с. 262]. Голодный 1601 г. отличался неустойчивой погодой, очень влажное лето и ранняя зима закономерно еще раз привели к неурожаю и второй голодной весне 1602 г. [12, с. 245, 247].

С первой недели июля 1601 г. «дождж бесперапынна ішоў 12 тыдняў», и вместо уборки ржи после первой декады сентября, ее начали жать в начале октября «і то была зяленая». А 4 кастрычніка «вялікі снег выпаў. Усе палеткі – ярыну, авёс, пшаніцу, ячмень, гарох, боб – усё пакрыла снегам. Зусім кепска было і людзям, і збожжу... 10 кастрычніка... моцная бура... ўсё, што на палях было несабраное, а таксама зжатыя копы пазамятала снегам... маразы скавалі Дняпро... » [12, с. 245–246]. Попытки после оттепели «жаць-гараваць па снезе ўсцюжу» были плачевные, зерновые сильно погибли, само подмерзшее зерно годилось только на корм скоту, урожай огород-

ных культур пропал полностью. Тем, кто весной посеял новой рожью, «дык і жаць не прыйшлося» [12, с. 246].

Полесские земли Беларуси, украинские до Киева и Волыни не пострадали особо от непогоды, «в Речице, в Лоеве, в Киеве очень хороший урожай был». Удар пришелся на центральные и северо-восточные белорусские регионы, от Минска до Полоцка, Могилева, Рогачева.

Весна 1602 г. началась обычно, однако возвратные заморозки за три дня до Пасхи погубили яровую пшеницу, всходы ячменя, гречку, все посеянные овощи от капусты, свёклы, лука, гороха до мака, все цветы поморозило. Голодная весна, грады летом сопровождались мором, ибо «хворых, галодных, пухлых было незлічона», «хваробы вялікія, гарачкі, паносы... многа малых дзетак памерла», как описывает летописец. Мор продолжался и в предрождественский Филиппов пост, т. е. зимой 1602–1603 гг. в крупных городах от Вильны, Минска, Радошкович до Орши, Шклова и др. [12, с. 247–248, 250]. Это сочетается с известиями Витебской летописи о поморке 1603 г., который лютовал в Витебске и других городах [12, с. 262]

Весна 1603 г. была холодная, лето выдалось очень сухое и жаркое, дожди шли всего три раза, зима ранняя и студёная, с метелями и бурями, отмечено в Баркулабовской хронике [12, с. 249].

В 1604 г. в конце весны заморозки были трижды, они уничтожили посевы ржи, огуречные всходы, а ягодные кустарники и фруктовые сады дали совсем малый урожай, уродили лишь грибы. Помешали сильные заморозки, летние проливные дожди, грады, к тому же паводковые воды ушли только к середине июля [12, с. 250]. Дефицитные фрукты и овощи часто воровали, наказанием был высокий штраф в 3 рубля грошей, если кто на чьей-нибудь земле в поле, в огороде плод какой сорвал или отряс [18, арт. 16].

Малоснежная зима 1605 г. сменилась сухой весной, однако гречихе это не повредило, в отличие от пшеницы и ржи. 1606 г. и 1608 г. отличались сильными паводками, «мокрым» летом, сенокосные луга вдоль рек стояли залитыми чуть ли не до осени, остро чувствовалась нехватка из-за этого сена для скота [12, с. 252, 256].

Сена и других частей фуража (соломы, зерновых культур) постоянно не хватало не только из-за непогоды, но и вследствие войн, в первую очередь, конфликта со Швецией. Передвижение их войск по территории Речи Посполитой с первой четверти до последней четверти XVII в. стало постоянным, неудивительно, что простые крестьяне старались использовать все средства, чтобы вернуть былую урожайность зерновых культур на полях, участвовали в молебнах и освящении святой водой нив и угодий после шведских кампаний. Если оценивать урон для развития фруктового садоводства от войн, то наиболее известным примером из местных летописей и хроник выступают сведения о пожарах, оставлявших лишь пепелища от домов и садов в городах, околицах и селах, также известен приказ московского

воеводы князя Ю. А. Долгорукого высечь все сады в Могилеве в 1659 г., «па якой прычыне, няма вестак» с сожалением пишет автор Могилевской хроники Т. Сурта [12, с. 292].

Как чрезвычайно холодные он описал в Могилевской хронике зимы 1670–1671 гг. и 1686–1687 гг. «Дрэвы і птаства, людзі і быдла мёрзлі, а потым настала дарагавізна на збожжа». Или, например, «гаспадарылі шчо-дрыя снягі і лютыя маразы» и поэтому «з незвычайна вялікіх снягоў» «у Магілёве, у самім горадзе... мноства рысяў... некалькі дзесяткаў забіта на прадмесці і ў горадзе некалькі забіта... не маглі мышкаваць» [12, с. 298, 301]. Витебская летопись С. Аверки включает в данный список еще 1695 г. с сильными морозами и не просто с заморозками, а «снегам па калена...» на 5 июня, «ляжаў тры дні», «мароз пабіў ўсё збожжа» и, как следствие, с высокими ценами на рожь в следующем году [12, с. 264]. Зима 1695–1696 гг. была мягкой, река Двина даже не замерзла, и санной дороги, как обычно, по реке в зимний период не устраивали.

К особо благоприятному сельскому хозяйству благодаря погоде можно отнести 1682 г., когда «былі багатыя ўраджаі, што мерка жыта ў 10 гарнцаў каштавала па 13 і 14 грошаў» [12, с. 300].

Как и Баркулабовский летописец, эмоционально и с религиозным трепетом Т. Сурта утверждает, что Бог регулярно испытывает на прочность христиан, в качестве Божьей кары он указывает нашествие саранчи от заднепровской украинской территории до Полесья, около Слуцка на Черной Руси в 1690 г. «Так было многа, што калі яна нападала, ці на збожжа якое, ці на травы, то ўсё з'ядала... І калі б пан Бог не даў дажджоў, то... яна і ў нас нашкодзіла б, аж з макрэчы ўся пагінула» [12, с. 303]. О том же – «многа саранчы» – говорит и Витебская летопись, однако там приведена дополнительная информация о более ранних приходах саранчи. Так, «з Белай Русі і з Літвы завітала саранча да Польшчы» в 1648, 1652, 1660 гг. [12, с. 276].

Описание урагана, сравнимого с современными, которые тоже чаще случаются в августе, дано могилевским хронистом под 11 августа 1694 г.: «а другой гадзіне папалудні, наплыла нечакана з паўночнага боку такая страшная, цёмная і вялікая, як ноч, хмара, якая навяла жах як на горад, так і на ваколіцы, мястэчкі і вёскі чутнымі і бачанымі грывотамі, градам... як чатырохвугольны арэх... быў такі вялікі буран, што... панскія стадолы, вясковыя хаты з зямлі павырывала» [12, с. 305].

Гало, или эффект трех солнц, – редкое природное явление, которое можно увидеть зимой в ясную и морозную погоду, упомянуто под первой неделей января 1701 г., как случившееся в Могилеве «ад дзевятай гадзіны аж да адзінацатай». Солнце находилось низко над горизонтом, и его лучи преломлялись через призму кристаллов льда в воздухе, создавая иллюзию, точно преданную в хронике и убеждающую нас в достоверности описываемых событий: «былі бачны тры сонцы, адно было вышэй... а ніжэйшыя былі

цямнейшыя і мелі праменні... Потым гэтыя два згінулі» [12, с. 315]. Сам год случился неурожайным, было трудно с сеном.

На рубеже 1708–1709 гг. зима была малоснежной и морозной, озимые вымерзли, цены на продовольствие взлетели дополнительно, первый их скачок связан с военными действиями шведской и русской армий. Как особо морозную Ю. Трубницкий, продолживший вести местную могилевскую хронику в XVIII в., указал и следующую зиму 1709–1710 гг., подчёркивая, что «лютая зіма, стаяла доўга, снягі былі невыносныя і нечувана вялікія, што не толькі звяр’ё, птаства, але і людзі на дарогах мёрзлі. І была дарагавізна на збожжа» [12, с. 377]. В Витебске весь 1710 год «лютаваў паморак» (чума), от чумы «у Вільні вымерла 20.000 хрысціян, жыдоў – 4.000» особо отмечено С. Аверкой в Витебской летописи [12, с. 272, 276].

Таким образом, климатическая кривая XVII в., отразившая частые изменения погоды, внесла свой негативный вклад в рецепцию нового художественного стиля барокко садового искусства Беларуси. К тому же вследствие частых военных кампаний XVII в., требовавших больших финансовых ресурсов, с одной стороны, и разорявших территории, где шли войны, с другой, ощущалась нехватка средств у среднепоместной шляхты на приобщение к садово-парковому искусству повсеместно, успешные образцы регулярного стиля барокко в садовом искусстве появились первыми именно в крупных резиденциях магнатов. Следовательно мы имеем более позднее развитие садово-парковой культуры в сравнении с Южной и Центральной Европой, ее расцвет на белорусских землях попадает уже на вторую половину XVIII–XIX вв., что коррелирует и с выводами автора, и других известных ученых ботаника А. Т. Федорука, архитекторов В. Ф. Морозова, А. Н. Кулагина, дендрологов И. М. Гарановича, И. П. Вознячука и др.

Итак, периоды голода и социальных кризисов длительное время находились в центре первостепенного внимания аграрной и социальной истории, тогда как история культуры стала плодотворно использовать междисциплинарный подход к тем же комплексам источников лишь недавно. Сами изменения природно-климатической среды признавались малозначительным фактором и системно не рассматривались, хотя именно они воздействовали на колебания средней урожайности сельскохозяйственной продукции, смену военных стратегий, политических решений и распространение художественных стилей в архитектуре и искусстве.

Список использованных источников

1. Будыко, Н. С. Садово-парковое наследие Белоруссии (дооктябрьский период): автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18. 00. 04 / Н. С. Будыко; Моск. архит. ин-т. – Москва, 1985. – 18 с.
2. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии (вторая половина XVIII – начало XIX в.) / А. Н. Кулагин. – Минск: Наука и техника, 1981. – 134 с.

3. *Морозов, В. Ф.* Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В. Ф. Морозов. – Минск: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
4. *Морозов, В. Ф.* Стили и направления в архитектуре Беларуси второй половины XVIII – первой половины XIX в. / В. Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2016. – 238 с.
5. *Якимович, Ю. А.* Зодчество Белоруссии (XVI – середина XVII в.) // Ю. А. Якимович. – Минск: Наука и техника, 1991. – 368 с.
6. *Федорук, А. Т.* Изучение видового состава и культур фитоценозов древесно-кустарниковых экзотов Западной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.094. / А. Т. Федорук; АН БССР. Ин-т экспериментальной ботаники. – Минск, 1970. – 29 с.
7. *Федорук, А. Т.* Интродуцированные деревья и кустарники западной части Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: БГУ, 1972. – 191 с.
8. *Федорук, А. Т.* Древесные растения садов и парков Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 207 с.
9. *Федорук, А. Т.* Садово-парковое искусство Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: Ураджай, 1989. – 247 с.
10. *Федорук, А. Т.* Старинные парки Белоруссии: Инвентаризация, стилевые особенности, сохранение и функциональное использование / А. Т. Федорук. – Минск: Полымя, 1985. – 92 с.
11. *Гаранович, И. М.* Оценка современного состояния старинных парков Беларуси / И. М. Гаранович // Наука и инновации. – 2011. – № 5 (99). – С. 68–72.
12. *Гаранович, И. М.* Оценка состояния древесных насаждений дворцово-паркового ансамбля «Мир» / И. М. Гаранович, М. Н. Рудевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Сер. біял. нав., 2015. – № 1. – С. 16–20.
13. *Вознячук, И. П.* Старинные парки Беларуси: вопросы сохранения, ухода, содержания и восстановления / И. П. Вознячук, А. М. Нестюк // Ботанические сады в современном мире. – 2024.
14. Беларускія летапісы і хронікі: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. – 432 с.
15. *Ермохин, М. В.* Дендрохронология в экологических и археологических исследованиях / М. В. Ермохин, В. В. Савельев // Наука и инновации. – 2015. – № 3 (145). – С. 66–68.
16. *Ермохин, М. В.* Влияние климатических факторов на радиальный прирост деревьев сосны, ели и дуба в Беловежской пуще / М. В. Ермохин, В. В. Савельев // Особо охраняемые природные территории Беларуси. Исследования: сб. научный ст. / Гос. природоохр. учреждение «Березин. биосфер. заповедник». – Минск, 2011. – Вып. 6. – С. 28–44.

17. *Bernatowicz, T.* Alba: od renesansowej wili do kompozycji krajobrazowej / T. Bernatowicz. – Warszawa, Min. kultury i dziedzictwa narodowego, 2009. – 135 s.

18. *Бобович, Е. П.* Садово-парковая культура Беларуси в XVI–XVIII вв. / Е. П. Бобович // *Пытанні гісторыі Беларусі: пад агульн. рэд. А. М. Лютага, М. К. Сакалова.* – Мінск: Беларус. дзярж. пед. ун-т, 1998. – С. 166–187.

19. Расходные счета Несвижской администрации // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 2. Д. 4959. л. 69.; Д. 4963, л. 39об, 40об, 578, 86об, 464, 600, 672об, 866, 867, 599об.; Д. 4966, л. 248об, 250об, 252об, 253, 253об, 249, 249об, 254, 254об.

20. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2010. – 206 с.

(Дата подачі: 28.02.2025 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. A. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947 “1794/1874”

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1794–1874 ГГ.)

EVOLUTION OF THE PRINCIPLES OF FORMING A RECRUITMENT LINE IN THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1794–1874)

Рекрутская повинность являлась основной комплектования вооруженных сил Российской империи. В данной статье выявлены ключевые принципы формирования очереди из числа лиц, задействованных при выполнении рекрутской повинности. Определены особенности данного процесса для белорусских губерний. Выявлены основные этапы в изменении российским правительством подходов к формированию рекрутской очереди.

Ключевые слова: рекрутская повинность; комплектование вооруженных сил; евреи; однопорцы; крестьяне; мещане; Российская империя.

Recruitment was the main method of staffing the armed forces of the Russian Empire. This article identifies the key principles of forming a queue of people involved in the performance of recruitment. The features of this process for the Belarusian governorates are determined. The main stages in changing the approaches to forming a recruitment queue by the Russian government are identified.

Keywords: conscription; recruitment of armed forces; Jews; Odnodvortsy; peasants; Burgher; Russian empire.